

«ВСЁ МНЕ ВИДИТСЯ ПАВЛОВСК ХОЛМИСТЫЙ...»

АННА АХМАТОВА

ЧАСТЬ 2

**«Не то, что мните вы, природа:
Не слепок, не бездушный лик —
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть
язык...»**

Ф. Тютчев

В истории Павловского дворца и особенно парка творчество итальянского живописца-декоратора Пьетро Гонзаго занимает особое место, он расписал во дворце многие помещения, а парком был просто пленен. Гонзаго показал, что природный пейзаж можно переделать, усовершенствовать, преобразить. Поражает, как приехавший из яркой экзотической Италии художник полюбил, глубоко познал и творчески начал преобразжать скромный северный русский пейзаж.

Его творения достойны произведений великих зодчих, работавших в разные годы в Павловске.

Полное имя блестящего художника-декоратора — Пьетро ди Готтардо Гонзаго. Он родился в 1751 г. в Италии. С детства мальчик мечтал стать актером, но его родители холодели от ужаса, когда представляли, что их сын, выросший в почтенной семье, может стать «комедиантом».

Пьетро уже собрался было посвятить свою жизнь военной карьере. Но судьба распорядилась иначе. Именно в это время он познакомился с творчеством известного театрального декоратора Бибиены. И его участь решило «широкое поле, которое представляет сцена декоратору для фантазии».

Вскоре о его театральных декорациях восторженно заговорили по всей Италии.

Необычное сочетание предельно простого и торжественного стало основной характерной чертой творчества Гонзаго, которая в полной мере проявилась в архитектурно-пространственных композициях Павловского садово-паркового ансамбля.

В летнюю резиденцию его пригласила поработать Мария Фёдоровна. Гонзаго так понравилось в Павловске, что с 1796 г. он стал проводить в нем большую часть времени, благоустраивая и преобразуя отдельные участки парка.

Но художника непреодолимо тянуло на берега Славянки. Он ощутил здесь такой простор для творчества, такую свободу, какая ему и не снилась. Хозяйка Павловска не скупилась на средства, и Гонзаго имел возможность реализовать свои самые смелые замыслы.

Гонзаго был твердо убежден, что ландшафт предоставляет богатейший выбор для всевозможных художественных решений. Надо только суметь увидеть и использовать его природную красоту.

Художник писал: «Искусство садовода заключается в умении распознать характер зримых предметов, попеременно рассеянных природой повсюду, и в подчинении их такому порядку, который усиливает их воздействие, чтобы сильнее ощущалось производимое ими впечатление».

Создание Долины прудов стало первой работой Гонзаго в Павловском парке. Этот обширный участок, площадь которого достигает 130 га, расположен к северу от Славянки.

Двенадцать дорог расходятся от центральной площадки, словно радиусы-лучи.

Все радиальные дороги соединены поперечными просеками. Весь участок в плане напоминает звезду. Поэтому вся эта пустынная местность получила название Большой звезды.

Вся сила таланта Гонзаго проявилась при создании обширного района Белой березы в восточной части парка.

Площадь этой территории равна 250 га. Основы планировки участка заложил когда-то Камерон, взяв в качестве отправной точки поляну с одинокой березой в центре. Отсюда прямыми лучами расходились 8 дорог.

В районе Белой березы Гонзаго работал на протяжении 25 лет.

Преобразив эту часть парка, Гонзаго дал возможность посетителям ощутить все многообразие русской северной природы.

«Что шаг, то новая в моих глазах картина»,— так писал о Павловске В. А. Жуковский. Гонзаго предстает в этой композиции «мудрым садоводом», который, «придумывая план, намечает последовательность различающихся между собой сцен, артистически подготовленных, сообразно свойствам замысла, особенностям и характеру участка».

Недалеко от границы между районом Белой березы и Новой Сильвией есть небольшой участок, который называли Самым красивым местом. После сумрака лесной дороги в просветах огромных вековых деревьев неожиданно открывается светлый луг, окруженный с трех сторон веселыми рощицами. Его живописная панорама привораживает взгляд, поражая своим совершенством.

В конце Тройной липовой аллеи при Павле I был устроен плац для проведения военных парадов и учений (Парадное поле). С 1803 года, в течение десяти лет Гонзаго создавал здесь одну из самых интересных пейзажных картин. В её композицию включены открытые живописные пейзажи, которые просматриваются с четырнадцати дорог.

Вдоль дорожек Гонзаго расположил такие высокие газоны, что со стороны не видно ног и кажется, будто посетители не идут, а плывут по аллеям, все их движения кажутся мягкими и плавными.

На их поворотах открываются неожиданные картины: светлые лужайки, окружённые густыми посадками пихт и сосен, «букеты» деревьев разных пород, зелёные кулисы разновысотных растений, подчеркивающие перспективу, или отдельные крупные деревья. Подбирая материал для посадок, Гонзаго учитывал не только сезонную окраску листвы клёнов, вязов, рябин, но даже и её рисунок.

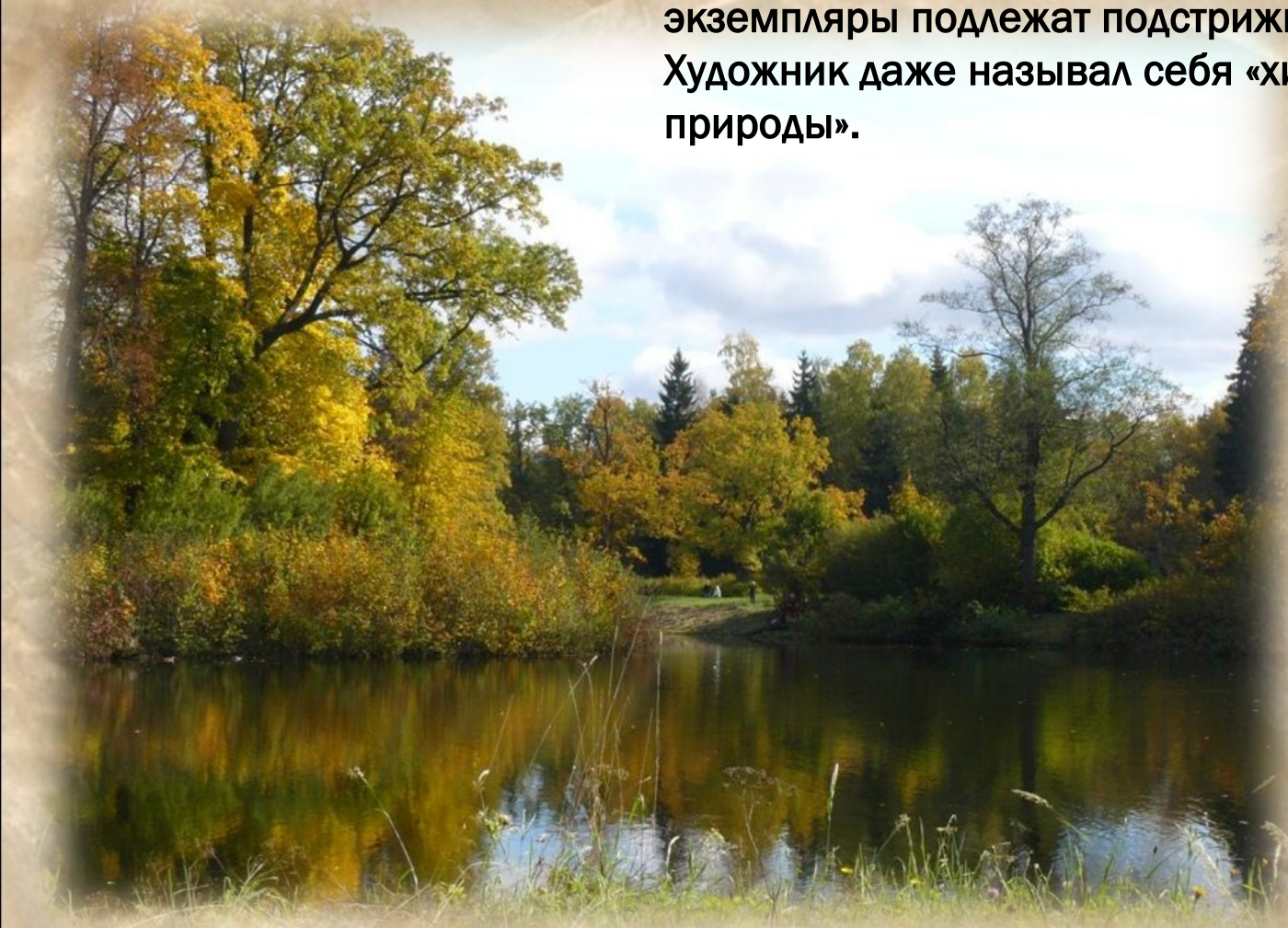
«Но действуй не спеша и, прежде чем дерзнуть
Лопатой грубою земли поранить грудь,
Вглядись в нее любя и, лишь найдя изъяны,
Берись их исправлять, как лекарь лечит раны.»

Делиль «Сады»

При оформлении участка Гонзаго умело избавлялся от лишних деталей. Каждое утро мастер совершал обход парка в сопровождении из ученика, который нес за ним ведро с краской и кисть.

Гонзаго указывал на деревья и кустарники, которые юноша помечал краской. Это означало, что данные экземпляры подлежат подстрижке или вырубке. Художник даже называл себя «хирургом-оператором природы».

Очищая парк таким образом от ненужной растительности и умело komponуя различные виды растений, Гонзаго добивался поразительного эффекта при минимальных затратах.

Колонна княгини Ливен перед Константиновским (ныне утрачен) дворцом

Центром и украшением района Парадного поля стал вырытый Большой пруд с извилистыми берегами и живописным островом посередине. Этот новый водоём неширокой протокой соединялся со средним прудом каскада, через неё был переброшен небольшой деревянный мостик. Остров называли именем Ш.К. Ливен. Этой же благородной даме был посвящен обелиск, или Колонна княгини Ливен, установленная напротив Константиновского дворца и сохранившаяся (с фрагментарными утратами) до наших дней.

В 1783 году императрица Екатерина II по рекомендации Рижского генерал-губернатора Брауна пригласила воспитательницей своим внукам баронессу Шарлотту Карловну Ливен, урожденную фон Гаугребен.

Ее моральные качества и прямота характера дали ей возможность вскоре занять особое положение в семье Павла Петровича, который очень ее уважал. Она была самым близким человеком к императрице Марии Федоровне, дети которой до конца ее жизни относились к ней, как к родной.

Портрет графини Ш. К. фон Ливен. 1821.

Приняв приглашение Екатерины II, Шарлотта Карловна возглавляла на протяжении чуть ли не полувека воспитание Великих князей и княжон в доме Павла, а затем и Николая I. Она является единственной в русской истории женщиной, заслужившей своими собственными трудами графский и княжеский титулы.

На западном берегу Розовопавильонного пруда находится построенный А. Ворониным Розовый павильон, который и дал название пруду. Исследователь В. Курбатов писал: «Розовый павильон... для Павловска то же, что Малый Трианон для Версаля». Это единственное архитектурное сооружение, включенное в пейзаж Парадного поля.

При этом оно подчёркнуто удалено от суеты дворцовой части парка аллеями, полянами и прудами Парадного поля. Так местоположением подсказывалось значение Розового павильона как места собрания изысканного общества придворных, аристократов, литераторов и художников.

Один из своих трудов Гонзаго озаглавил «Музыка для глаз». В частности, он писал в своем трактате: «Деревья значительно отличаются друг от друга формой и цветом; среди них решительно имеются и веселые деревья, и изящные, и печальные, и гордые, и величественные».

Мастер словно рисовал пейзаж, подбирая деревья с учетом цветовой гаммы в разные времена года. Золото кленов и берез, серебро ив, бронза дубов и зелень хвой создавали яркие по цветовым сочетаниям картины русской осени.

«Движение смысл и жизнь пейзажу придает.
Пусть лес волнуется, качается, поет;
Пусть волны в берег бьют, пусть пробегают тени
По пестрому ковру из полевых растений...»

Делиль «Сады»

Открытая галерея была сооружена зодчим Винченцо Бренной в 1797 году. Она строилась как летняя открытая столовая для обитателей дворца. Ее и называли «Светлая столовая», «Столовая галерея», «Столовая зала».

Это сооружение представляло собой открытую колоннаду из пяти пролетов, вытянутую полукругом.

Через десять лет Гонзаго расписал ее, создав на стене иллюзию архитектурного пейзажа.

Торжественный характер галереи придавали многочисленные статуи, лавры, мирты, а также нарисованное на холсте продолжение колоннады, уходящее в бесконечность.

Гонзаго не было равных в знании законов перспективы. Его декоративная живопись стирала грань между реальной архитектурой и росписями. Потому эти галереи в стиле итальянских палаццо кажутся такими правдоподобными.

Три стены сооружения покрыты фресками в серо-коричневой гамме. Они имитируют парковую архитектуру — ступени лестниц, колонны, растения... Похоже на театральные декорации, только реальнее. Стен словно нет. Глубина живописи затягивает, в нее хочется войти.

По свидетельствам современников, собаки пытались вбежать, а птицы влететь в созданное иллюзорное пространство Гонзаговых фресок.

Живопись Гонзаго не раз освежали, но она сохранила свой удивительный эффект до Великой Отечественной войны. Последними ее, скорее всего, видели фашисты, до февраля 1944 года стоявшие в Павловском дворце. После их ухода там вспыхнул пожар. Сгорела библиотека Росси, в здание которой встроена галерея, обрушились перекрытия, живописные панно сильно пострадали.

От высокой температуры цвет фресок изменился, и они стали красными. При реставрации было решено восстановить фрески в цветах дворца, и только небольшие фрагменты оставили в красном цвете.

Перед реставраторами стояла очень сложная задача, ведь сохранилась лишь одна небольшая акварель самого мастера и две копии фресок, сделанных художниками Вейсом и Константиновским до войны.

При создании пейзажной Красной долины Гонзаго применил многообразные антитезы — могучие столетние дубы и трепещущие тонковетвистые ивы, плотные посадки и солнечные поляны, переходящие вблизи Новой Сильвии в широкие луговые просторы.

«Художниками быть пристало садоводам!
Луга, уступами сбегающие к водам,
Оттенки зелени, все в солнечном свету,
Где тени облаков, меняясь на лету,
Скользят, одушевив ковер живой и яркий,
Обнявшихся деревьев причудливые арки,
Округлые холмы и резвые ручьи -
Вот кисти с красками и вот холсты твои!
Природы матерьял в твоём распоряженье, -
Твори же из него свое произведение!»

Делиль «Сады»

У Новосильвийского моста, где сходятся правобережная Еленинская и левобережная Михайловская аллеи, было любимое место Александра Второго.

Новосильвийский мост

«А луг, иль дерево, иль тихий водоем -
На них мы весь наш век глядеть не устали.
Природы никогда не будет слишком много:
Всегда прекрасная, она - творенье Бога.»

За Новосильвийским мостом расположен замечательный в прошлом, но совершенно запущенный в настоящее время участок парка. Здесь Елизаветин павильон (Ч. Камерон, 1799 г.) возвышается над местом, где северная цепь прудов (Круглозальные, Новошалейные и Краснодолинный) когда-то каскадом впадала в Славянку. Сейчас каскад не действует. Свое название павильон получил потому, что был любимым местом прогулок Елизаветы Алексеевны - супруги Александра I.

У склона холма под павильоном была расположена сторожка, спрятанная в специально сооруженной Руине (Ч. Камерон, 1800-1803 гг.).

«Вниз его Елизаветина павильона видны весьма искусно сделанные развалины; разбитые статуи, барельефы, карнизы и колонны разных мраморов, выказывающиеся из травы и поросшие мхом, представляют воображению живое понятие о развалинах Греции, дышащей еще величием и славою»

П.Свиньин «Достопамятности Санкт-Петербурга и его окрестностей»

«Холмов, долин и рощ веселый хоровод,
И рек голубизна, и лепет вольных вод,
И штрих прерывистый - как бы набросок робкий -
Петляющей в траве песчаной узкой тропки,
Наивность, простота, прелестный ералаш -
Вот истый рай земной, божественный пейзаж!

Над нежным бархатом травы светло-зеленой
Деревья темные, шумя, качают кроной...
Как сладостен их вид, как свеж их аромат!
То купами они отдельными стоят,
То выстроятся в ряд, как изгородь живая.
То разбегутся врозь, всю даль вам открывая,
То, опустив листву густую до земли,
Как будто не хотят, чтоб вы сквозь них прошли...»

Делиль «Сады»

«Павловский парк, без всякого сомнения, является образцом того, что может быть достигнуто естественным стилем на северной окраине России, т. е. при помощи одной только местной флоры и природных мотивов. В этом отношении Павловск не имеет соперника». Н. Карамзин

